
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

С. Д. Бодрунов

Директор Института нового индустриального развития (ИНИР),
Вице-президент Вольного экономического общества России,
доктор экономических наук, профессор

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛОЗУНГ ДНЯ

Вступая в должность, Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил, что действующая экономическая модель себя исчерпала, необходимы модернизация, переход к новой модели экономического роста и развитие российского общества в целом. Комплекс поставленных задач был обозначен президентом одним емким словом – «модернизация».

Сегодня в политико-экономической литературе понятие модернизации в широком смысле связывают с модернизацией общества, страны, общественно-политического строя и т. д., а в узком значении – с модернизацией экономики, в первую очередь промышленности.

Рассмотрим ряд вопросов, связанных с данным понятием: его философские корни, отличие от понятий *реорганизация*, *обновление* и многих других, которые в общественном сознании ассоциируются с некими рецептами выхода из кризисов, перманентно сопровождающих общественные процессы.

Отметим, что модернизация – это в значительной мере и политический лозунг, определяющий направленность всех институтов общества, и инструмент реализации потребностей общества в изменении экономического состояния всех его механизмов и компонент. Это понятие несет чрезвычайно высокую смысловую нагрузку и приобретает разное значение в разных дисциплинах, в том числе и в экономике.

В экономическом словаре встречаем следующее определение: «модернизация (от греч. *moderne* – новейший) – усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Модернизируются в основном машины, оборудование, технологические процессы». Это достаточно узкое, технократическое, значение понятия. Оно не отвечает на основные вопросы: зачем и кому нужна модернизация, где и когда она целесообразна, как ее провести? Ведь априори мы не знаем, что является действительно новым и полезным в той или иной сфере экономической и социальной жизни, где взять новые требования и нормы и как осуществить модернизацию? Из этого определения ясно одно – под модернизацией понимают не просто изменение объекта, а его улучшение, критерии которого представлены очень размыто: «новые» требования и т. д.

А ведь, не ответив на поставленные выше вопросы, мы рискуем получить в результате модернизации вовсе не тот эффект, на который рассчитывали. Это относится к модернизации в любых ее аспектах. Начнем с технологической. Приведем пример из практики работы небольшого авиаприборостроительного завода в российской глубинке. Директор завода, неожиданно получив незапланированную прибыль, решил,

минуя совет директоров, «резко» обновить технологический парк, купив современное станочное оборудование, не проработав вопрос детально, не увязав его с существующими потребностями и тенденциями технологического процесса, не проведя активных маркетинговых исследований, и т. д. В результате — станки простаивают, а деньги потрачены! Нужна ли такая модернизация? Вопрос риторический. И таких примеров масса, и не только в промышленности.

Действительно, у нас много устаревшего оборудования, «древних» технологий, и по-человечески руководителей промышленных предприятий можно понять. Но вопрос технологической модернизации для любого предприятия более чем непростой.

Традиционно различают три наиболее известных *способа модернизации*:

1. *Модернизация посредством использования российского оборудования.* Этот способ сегодня наиболее распространен из-за ценовой недоступности западного оборудования и/или нежелания осуществлять дорогостоящую модернизацию в условиях нестабильной экономической ситуации. Отечественные машины зачастую не предъявляют высоких требований к квалификации работников, а средний уровень технической поддержки компенсируется простотой в эксплуатации. Однако модернизация оборудования «пороссийски» — это не только его покупка и установка. Использование отечественных машин, как правило, предполагает их многомесячную «доводку» на местах, для чего на предприятии обычно создается целая инфраструктура: приглашаются дополнительные специалисты, ремонтники и т. п.

Обратим внимание, что при адаптации российского оборудования и технологий модернизируемое предприятие часто попадает в «технологическую ловушку». Обычно изначально низкий производственный потенциал отечественных технологий и нового оборудования оказывается быстро исчерпанным. Адаптация же отдельных узлов оборудования другого (тем более зарубежного) производителя требует проведения работ по совмещению нового и старого оборудования. Столкнувшись с этой проблемой, предприниматель вынужден либо полностью менять основное оборудование (что очень дорого), либо заменять изношенное оборудование новым такого же типа, что создает предпосылки для технологического отставания.

2. *Модернизация за счет использования лицензионного оборудования.* Многие отечественные предприятия осваивают производство технологий по лицензиям ведущих мировых производителей, и предложение подобных технологических решений растет. Пока что лицензионные технологии, которые дешевле западных и имеют лучшие производственные характеристики, чем у традиционных отечественных технологий, пользуются меньшей популярностью из-за отсутствия оптимального соотношения цена — качество. При этом, как правило, мы не можем рассчитывать на предоставление нам лицензий на высокотехнологичное передовое оборудование. Тем самым закладывается наше технологическое отставание, а западные поставщики, получая прибыль за счет продажи относительно устаревающих технологий, направляют ее в значительных объемах на развитие новых технологий (фактически — за наш счет!).

3. *Модернизация посредством использования зарубежного оборудования.* Как правило, при наличии финансовых возможностей предприятие закупает оборудование у солидных фирм. Западное оборудование отличают высокие производственно-технические характеристики (качество, долговечность). К тому же западные компании обычно предлагают высокий уровень гарантийного и сервисного обслуживания. При этом, в отличие от отечественного, импортное оборудование адаптируется к конкретному производству более «цивилизованными» методами, часто — путем прямого сотрудничества с фирмами-поставщиками.

В то же время в зависимости от целей технологической модернизации возможны два варианта модернизационных решений: либо преимущественно «закупочные» и «догоняющие», если хотим делать, как конкуренты («не хуже»), либо преимущественно «разработочные», инновационные, если результатом модернизации должно стать нечто принципиально новое — «обход» конкурентов на рынке.

Конечно, обновление и модернизация технологий касаются не только инструментария для производства, но и развития самой продукции, маркетинговой и сбытовой систем и т. д. Поиск нетрадиционных решений в этих сферах включает активизацию исследования жизненного цикла продукции, ее потребительских свойств и способов продвижения на рынки. При этом надо помнить, что любая технологическая модернизация ведет к обострению конкуренции, заставляет предприятия развивать все компоненты производства и сбыта продукции.

Встает вопрос — всегда ли нужна технологическая модернизация? В реальном секторе промышленности при принятии решений необходимо ориентироваться на экономические «подсказки». Стоит обратить внимание на два важных ориентира: производительность труда и уровень технологического отставания.

Если предприниматель видит, что все конкуренты его обходят по *производительности труда*, очевидно, без замены парка, развития или смены технологий, усовершенствования технологических процессов не обойтись. А вот ответы на вопросы о том, что менять и каковы приоритеты, далеко не так очевидны. Как известно, производительность труда в нашей промышленности примерно втрое ниже, чем в США. Казалось бы, самый простой путь — быстро скупить передовые технологии, внедрить их и получить тот же эффект. Однако при этом, во-первых, можно скатиться в так называемую догоняющую технологическую модель развития, а, во-вторых, средств на полное переоснащение всегда не хватает.

Принимая решения о технологической модернизации, производственная компания оценивает в первую очередь свой рынок и своих конкурентов и должна стремиться к устранению узких мест и наращиванию мощностей в прорывных точках, чтобы получить преимущество в конкурентной борьбе. Это важно и на уровне отраслей, и для промышленности в целом.

Согласно отраслевой госстатистике, уровень отставания по показателю производительности труда в разных отраслях у нас совершенно разный. Это подтвердило исследование, проведенное агентством McKinsey в 2010 г. В тех отраслях и секторах, где Россия отстает от ведущих стран в 10 и более раз, нам рекомендована модернизация. Но есть отрасли, где наше отставание невелико, и даже такие сегменты промышленности и отдельные фирмы, которые вполне успешно соперничают с основными конкурентами, в том числе на глобальных рынках.

Несколько недель назад в «Российской газете» вице-премьер Д. О. Рогозин сказал: «У нас были и остались разработки, в которых мы не только на уровне, но и «впереди планеты всей» — например, по системам перехвата в воздушно-космическом пространстве. У нас самые лучшие по совокупности своих характеристик системы ПВО типа С-300 П и С-300 В, сейчас поступают на вооружение еще более мощные комплексы С-400, идут работы над С-500, стоят на постоянном дежурстве РЛС дальнего обнаружения, которые видят за тысячи километров и обрабатывают самые малоразмерные цели, летящие с космическими скоростями. Идут испытания прототипа истребителя пятого поколения. Есть очень интересные проекты в боевом кораблестроении. Мы несколько отстали по гиперзвуку, но совсем недавно в этом направлении наметился серьезный прорыв. А новые цифровые радиостанции для армии — это изделия мирового уровня. Аналогичных примеров мож-

но привести много». Вот в таких сферах, таким компаниям и при такой ситуации на их рынках нужны инновационные, а не «закупочные» технологические модернизационные решения — для них модель «догоняющего развития» не подходит. Кроме того, отдельные сектора или хозяйственные конгломераты модернизируются зачастую настолько быстро и эффективно, что вчерашние «модернизаторы» сегодня становятся «инноваторами».

Но такая ситуация, к сожалению, скорее исключение. Положение в десятках суботраслей наиболее точно можно определить как технологический упадок! Вот здесь надо в зависимости от состояния либо быстро закупать новые технологии, либо с нуля строить новые производства.

Безусловно, технологическая модернизация отдельных крупных хозяйственных структур и отдельных, критических или «прорывных», отраслей не приведет к существенному изменению нашей промышленности. Необходимы модернизация всей промышленности, переход российской экономики к новому технологическому укладу. Сейчас мы живем в системе четвертого технологического уклада, тогда как весь развитый мир уже 20...25 лет живет в координатах пятого уклада, а передовые страны переходят к шестому.

Важно понимать, что модернизация отечественной промышленности — это только первый шаг к модернизации российской экономики. Для ее перехода к новому качественному состоянию необходимо модернизировать экономическую модель развития России, о чем и сказал наш президент, а эта задача нерешаема без коренной *модернизации социального устройства России, ее общественно-политических институтов*. Никакой значительной, устойчивой и имеющей долгосрочные позитивные последствия модернизации мы не получим, не изменив подходы к формированию базовых институций нашего общества. В свою очередь, институциональная модернизация очень сильно зависит от общей концепции развития общества. Необходима *модернизация нашего общества в самом широком смысле*.

Как мы сегодня живем? У нас много хорошего, можно часами перечислять наши достижения. Однако ни для кого не являются секретом и многочисленными проблемами, различные «неблагополучия», которые происходят автоматически как следствие непригодности действующей социально-экономической модели. Основа нынешних «достижений» была частично заложена в поздний советский период («сырьевой» тренд, технологическая отсталость, недоразвитость промышленной и иной хозяйственной инфраструктуры, архаичные представления об управлении с сохранением многих атрибутов и институтов такого управления в постсоветский период, известное нигилистическое отношение к собственности, в том числе интеллектуальной, и т. д.). В поздний советский период правительство Н. Рыжкова и Л. Абалкина пыталось вовлечь в экономику граждан в качестве экономических партнеров, и это частично удалось (развитие кооперативов, подготовка идеологической и в какой-то степени законодательной базы для развития частной собственности, формирование современных экономико-законодательных механизмов ее оформления и др.). Однако последующий политический катаклизм, крах Советского Союза, формирование на постсоветском пространстве новой политической конфигурации, как следствие — разрыв единого экономического пространства, стремительная деградация экономических субъектов, ухудшение условий жизни населения вынудили первое правительство России принять в начале 1990-х гг. жесткие и (сегодня это очевидно) не всегда продуманные меры по купированию острого кризиса и формированию новой экономической модели общества.

Отметим некоторые проблемы, возникшие как следствие экономической политики, проводимой командой Е. Гайдара, существенные для оценки сегодняшней экономической

модели российского общества. Поскольку основой этой модели является частная собственность на орудия и средства производства, частный капитал и различные вариации его взаимоотношений с государством и обществом (государственно-частное партнерство, социальная ответственность бизнеса и др.), напомним, что начало формирования института частной собственности в современной России связано с приватизацией экономических субъектов, проведенной в начале 1990-х гг. В рамках первой волны приватизации собственность была передана трудовым коллективам, что должно было способствовать вовлечению «широких масс трудящихся» в управление экономическими субъектами, включить их в ряды частных собственников и сформировать социальную базу для развития частной собственности как института социального и экономического партнерства.

Однако предложенные механизмы приватизации не предусматривали сохранение собственности за собственниками миноритарных активов и позволяли осуществлять достаточно простые операции по «отъему» таких активов и концентрации их у тех, кто мог эти активы «собрать». Поскольку ваучерный этап приватизации сильно запоздал, к моменту ее проведения часть экономически активных граждан, накопив значительные по тем масштабам ресурсы, выкупила активы у нищенствующего (на фоне разразившегося экономического кризиса) населения. В результате приватизация вместо «народного» приобрела административно-грабительский характер, возможно, вопреки идеям и воле ее авторов.

При этом приватизация была осуществлена таким образом, что у государства не осталось реальных рычагов воздействия на экономику. Наши кейнсианцы-гайдаровцы полагали, что рынок настолько хорош и совершенен, что сам все отрегулирует наилучшим образом, только не надо ему мешать.

В итоге перед экономическим кризисом 1998 г. в составе юридических лиц России осталось чуть более 16% госпредприятий, около 5000 пакетов акций приватизированных предприятий и 1,1 тысячи так называемых золотых акций. При этом предприятия отраслей, имевших хороший рыночный экспортный потенциал, были приватизированы (и, соответственно, скуплены!) в первую очередь (например, 92% предприятий цветной и 99% черной металлургии, 95% нефтехимии, почти полностью предприятия легкой промышленности и, наконец, гражданского машиностроения, пищепрома, промышленности стройматериалов, производства подакцизных товаров).

В результате отечественная приватизация 1990-х гг. успешно решив важнейшую политическую задачу — разрушение старой системы, не решила главную экономическую — создание предпосылок для формирования не люмпен-пролетариев как основной части населения, а активных частных собственников, заинтересованных в построении общества партнерства.

Принятая в России в ходе реформ 1990-х гг. неоклассическая (чисто рыночная) модель экономики привела к развалу ее реального сектора и превращению России в сырьевой придаток других стран. Возобладал сырьевой тренд развития экономики, что обусловило разрушение промышленности, которая и сегодня не достигла доперестроечных показателей.

На этом фоне при ослаблении роли государства в экономике возникла и к началу 2000-х гг. окрепла мощная олигархия, что привело к реализации модели олигархического капитализма. Сегодня общество хорошо ощущает на себе его черты: тотальная коррупция, увеличивающийся разрыв в доходах между различными группами населения, бедность значительной его части и т. д. Основным содержанием деятельности государственно-олигархической элиты стало разграбление советского наследства, вывоз его за пределы России и легализация в качестве личных богатств. При этом переход от коммерческой

олигархии, присваивавшей собственность на рубеже веков, к олигархии преимущественно силовой, грабящей в том числе и коммерческую, только усугубил ситуацию.

Таким образом, экономические реформы 1990-х гг., способствовали появлению узкой прослойки крупнейших собственников, получивших колоссальные активы за минимальные деньги, и широкого слоя населения, фактически оторванного от реальной экономической жизни. Однако не произошло главного, чего ожидали от реформ. Высокие результаты деятельности экономических субъектов ассоциировались с реальным предпринимательством, предполагающим модернизацию активов (в том числе технологическую модернизацию промышленных предприятий) и выпускаемой продукции (в первую очередь через инновации) и т. д. Поскольку этого не произошло, в обществе сформировалось устойчивое представление о том, что компетентность, трудолюбие и прочие качества, которые в развитых странах считаются основным условием достижения благополучия, высокого социального статуса и т. п., в нашей стране средством достижения таковых не являются. Это породило у большинства населения России и в мире представление о российском предпринимателе либо как об олигархе, приближенном к распределению общественных ресурсов, либо как о вороватом чиновнике, распределяющем ресурсы.

Изменить такие представления о современном российском бизнесе, не всегда справедливые, но имеющие право на существование, при нынешнем экономическом устройстве, обремененном результатами реформ 1990-х гг., — одна из важнейших задач модернизации российского общества. Это становится все более очевидным не только для специалистов, но и, наших властных структур. Идеи модернизации связаны с желанием россиян жить в развитом современном обществе, с эффективной промышленностью, большими гражданскими и иными свободами, в условиях справедливого распределения общественного богатства. Эти идеи чрезвычайно идеологизированы, порой совершенно по-разному понимаются и в значительной мере отражают попытки создания баланса интересов социальных групп за счет внедрения передовых решений во всех сферах социальной и экономической жизни общества.

Д. А. Медведев в бытность свою президентом России выдвинул идею *экономической модернизации* и, рассматривая пять ее приоритетов, указывал, что основным *механизмом модернизации страны* (как и в промышленности) он считает создание в России *инновационной экономики*. В 2008 г. в одной из своих программных статей он писал: «Инновации — тот реальный вызов, на который мы должны найти ответ, причем ответ не только научный, но прежде всего организационный, правовой, если хотите, институциональный. То есть создать условия, для того чтобы наши открытия, наши изобретения, наши ноу-хау, наши технологические разработки все-таки патентовались у нас и у нас же коммерциализировались. Это, наверное, самое главное ...».

Таким образом, одна из базовых идей модернизации страны связана с понятием *инновационного развития*, формированием инновационной экономики — экономики, основанной на знаниях, комфортном восприятии субъектами экономики новых идей, технологий, новых методов организации политики, экономики и человеческого общежития в целом.

В то же время и у Д. А. Медведева, и у В. В. Путина ощущается понимание необходимости масштабного развития технологий — и собственных, и путем заимствования на Западе. Так, в своих предвыборных речах В. В. Путин, приняв идеи экономистов, занимающихся проблематикой нового индустриального развития, ввел в широкий обиход термины «новая индустриализация» и «реиндустриализация» в качестве базовой парадигмы нынешней модернизации экономики страны. Кстати, Институт нового индустриального развития многократно на протяжении примерно 10 лет на всех уровнях (от Со-

вета безопасности России до РАН) поднимал вопрос о необходимости модернизации промышленности, реиндустриализации отечественной экономики.

Под реиндустриализацией наш президент понимает *интенсивное развитие промышленности России: а) за счет крупных вложений средств в развитие новых технологий и оборудования (том числе в их приобретение за рубежом) и б) за счет реорганизации реципиента этих вложений — промышленности в целом и ее базовых элементов и субъектов.*

Недавно много откликов в интернете получило заявление В. В. Путина о том, что нам необходима «новая индустриализация», которую следует провести по аналогии с индустриализацией России в 1930-е гг. Конечно, сразу возникли инсинуации о «методах» 30-х годов и пр., хотя, очевидно, имелось в виду, что мы должны напрячь свои силы, перераспределить ресурсы и направить их так же концентрированно и прицельно на модернизацию отсталых секторов и отраслей, как в годы «той» индустриализации, в том числе как путем массовой закупки технологий, когда это необходимо, так и за счет институционального, инновационного развития, улучшения инвестиционного климата и т. д.

Д. О. Рогозин разъясняет, что под «новой индустриализацией» страны подразумевается «... создание промышленной индустрии нового уровня. А почему по аналогу тридцатых? Тогда мы брали все лучшее на Западе и адаптировали применительно к своим условиям. Наверное, и сейчас нам предстоит пройти схожим путем. И зачастую речь идет уже не о реконструкции имеющегося, а о строительстве новых заводов на новых местах».

Анализ имеющейся литературы позволяет выделить базовые черты новой индустриализации экономики России:

1. Уход от «технологического гигантизма», переразмерности производства, минимизация количества базовых технологий.
2. Рационализация выбора технологий и концентрация производства.
3. Интеграция экономических субъектов в промышленности, резкое повышение роли интегрированных промышленных структур.
4. Принципиальный отказ от сохранения устаревших технологий, консервирования технологического отставания в силу региональных, социальных, демографических, экономических и иных «объективных» причин.
5. Массовая закупка наиболее передовых технологий для технологически отсталых секторов при параллельной поддержке инновационных усилий экономических субъектов в «прорывных» отраслях.
6. Воссоздание отечественного станкостроения и других блоков «производства сферы производства».
7. Изменение подходов к вопросам резервирования мощностей, в том числе мобилизационных в сфере оборонной промышленности.
8. Повышение роли институтов инновационного развития в создании новой промышленной базы.
9. Улучшение инвестиционного климата в промышленности.

Академик Е. М. Примаков, рассматривая структуру экономик стран БРИКС (Россия в этой пятерке занимает последнее место по обрабатывающей промышленности), утверждает, что России нужна новая индустриализация, дополняя это понятие такими чертами:

- диверсификация структуры экономики — повышение в ней доли обрабатывающей промышленности;

- обеспечение этого процесса трудовыми ресурсами соответствующей квалификации;
- модернизация финансовой системы страны под нужды реиндустриализации;
- развитие «каналов», «лифтов», связывающих научный девелопмент промышленности с производством;
- системный импорт высоких технологий через приобретение технологических активов за рубежом и путем привлечения прямых инвестиций в российскую промышленность при условии трансфера технологий (это еще два способа технологической модернизации, только менее популярные, доступные в основном крупным компаниям).

Таким образом, научное сообщество, политическое руководство страны, наши экономические власти объявили *новую индустриализацию* основным направлением *модернизации* российской экономики. При этом «... индустриализацию надо проводить на базе новейшего технологического уклада, не пытаясь воспроизводить уклады устаревшие», — подчеркивает академик С. Ю. Глазьев.

Действительно, надо учитывать негативный опыт нашей «второй индустриализации», проводившейся в 1950-е гг., в период восстановления народного хозяйства после войны, которая осуществлялась на базе уклада, сформированного во время индустриализации 1930-х гг. В результате были сохранены многие «отпечатки» предыдущего технологического уклада (высокая материалоемкость экономики, энергоемкость промышленности и т. д.), в то время как другие страны за 20...30 лет фактически завершили переход к следующему технологическому укладу. Это сразу сделало нашу экономику менее эффективной и конкурентоспособной, обрекло ее на отставание от передовых экономик Европы, США, Японии. В рамках сегодняшней новой индустриализации следует в максимальной степени ориентироваться на внедрение технологий, формирующих ядро шестого технологического уклада, основу которого составляют нано- и биотехнологии, гелио- и ядерная энергетика и т. д. «Надо делать ставку на те отрасли, которые будут определять новую длинную волну экономического роста и революционизировать все смежные сферы. Цена входа в новые отрасли растет нелинейно с течением времени. Поэтому легче «входить в волну» на ранних фазах развития; на зрелых стадиях это обойдется уже на несколько порядков дороже», — подчеркивает академик С. Ю. Глазьев.

Заместитель министра экономического развития Андрей Клепач выделяет конкретные направления, где у России есть возможность прорыва: программное обеспечение, ядерные технологии, авиационная и космическая отрасли, автопром и т. д.

Выводы

1. *Переход к новой модели экономического роста означает переход от экономического роста, опирающегося на конъюнктуру мировых цен на энергосырьевые товары, к экономическому росту за счет повышения эффективности использования имеющихся ресурсов. Материальным условием такого перехода является модернизация технологической базы экономики, позволяющая завершить становление пятого технологического уклада с одновременным занятием ниш в шестом технологическом укладе, с необходимостью создания условий для массового использования инноваций, модернизации отраслевой структуры экономики, внедрения элементов экономики знаний, целенаправленных и значительных эффективных инвестиций в человеческий и социальный капитал и т. д.*

2. *Императивом модернизации экономики, перехода к новой экономической модели является модернизация социально-политических институтов. Необходимо изменение принципов государственного управления, механизмов реализации институтов собственности и др. Важнейший шаг — отказ от репрессивного экономического и уголовного законодательства, создание независимого правосудия, без которого не будет подлинной реформы правоохранения, а следовательно, благоприятного инвестиционного климата,*

реального перехода российской экономики на инновационный путь развития, что является одной из парадигм ее модернизации.

3. Что касается реализации описанной модели новой экономики, с очевидностью можно сказать, что ни кейнсианская, «либерально»-рыночная модель, ни модель тотального огосударствления экономики, предлагаемая отдельными экономистами-«государственниками», не смогут привести наше общество к партнерскому типу отношений между его базовыми элементами. Академик Солтан Дзарасов пишет: «Наше спасение — в посткейнсианстве». Необходимость *государственного регулирования* признается всеми его представителями, однако правое крыло посткейнсианства стоит на рыночных позициях при *ограниченной роли государства*, а левое доводит эту роль до признания необходимости *планирования экономики* — не директивного (как при социализме), а *индикативного типа*. По существу, предлагается опираться на известное требование: рынок — насколько возможно, плюс планирование — насколько необходимо.

4. Такая модель взаимоотношений государства и экономики вполне соответствует пониманию развития общества как *конвергентного* (по определению известного российского экономиста прошлого века Питирима Сорокина), с элементами макроэкономического планирования и социальной защиты населения, представляющего собой биполярную систему, в которой находятся в равновесии два противоположных начала — плановое и рыночное, с максимальным учетом наших национальных особенностей. Представляется, что на базе такой идеологии можно реализовать модернизационные задачи, стоящие сегодня перед Россией.

Отдельные усилия в этих направлениях государством уже предпринимаются, однако их эффективность пока недостаточна для достижения целей модернизации экономики России. Тем не менее активизация деятельности в этой сфере и общества, и государства вселяет надежду на то, что нас ждет благополучное «модернизированное» будущее.

С уважением,

Сергей Дмитриевич Бодрунов